

В. Н. Липский¹

В. СОЛОВЬЕВ О ТЕРПЕЛИВОСТИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ МНОГООБРАЗИИ

Мировые цивилизации формировались разными способами. Так, здание американской цивилизации создавали люди, приехавшие в Северную Америку из различных регионов земного шара искать лучшей доли. На современном языке их называют мигрантами. Пути формирования русской цивилизации иные. Россия веками развивалась как многонациональное государство, объединенное не правовыми нормами европейской толерантности, а терпеливостью, являющейся национальной чертой русского характера, нравственным соучастием сотен этносов, живущих на своей земле рядом с русскими.

Уникальность русской цивилизации состоит в том, что в ней веками бок о бок жили разные народы и формировались принципы межнационального взаимодействия, скрепленные общей системой ценностей. Нередко приходится слышать разговоры о разрозненности русского народа, в отличие от более малочисленных этносов. Да, клановость не свойственна русскому народу, но не потому, что русские разрозненны, а потому, что у русского народа другой культурный код. Русский народ — это народ-объединитель, это государствообразующий народ. В основании этого кода есть факторы, которые можно назвать генетическими. Об одном из таких факторов под названием «терпеливость» и пойдет речь.

В русской философской традиции в этом плане представляют интерес идеи В. Соловьева. Скорее всего, идея терпеливости является производной глобальной концепции соловьевского всеединства, так как даже в той ее части, в которой идет речь о воссоединении «Востока» и «Запада» через воссоединение церквей, философ в конечном счете говорит о терпеливости, без которой такое воссоединение немислимо.

Прежде всего следует сказать о понятийной стороне дела, на которую специально обращает внимание В. Соловьев, что в немалой степени «программирует» его размышления в связи с пониманием им феномена терпения. Соловьев предпочитает употреблять понятие «терпеливость», противопоставляя ее понятию «терпимость», которая по латыни означает “*passivum pro activo*” и переводится как «восприимчивость к действию». В работе «Оправдание добра» Соловьев пишет: «Терпеливость (как добродетель) есть только страдательная сторона того душевного качества, которое в деятельном своем проявлении называется великодушием или духовным мужеством»².

¹ Заведующий кафедрой философии Академии государственной противопожарной службы МЧС России, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, полковник внутренней службы в отставке, почетный сотрудник МВД. Автор свыше 100 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая культура и личность», «Нравственность как вектор полицейской службы», «Биологические и эстетические предпосылки научного творчества», «Эстетическое воспитание и образование в России в XIX — первой половине XX века», «Толерантность и терпеливость: от нормативности к духовности», «Феномен терпения в истории общественной мысли России», «Проблема соотношения морали и права в философии В. Соловьева» и др.

² Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 194.

Терпеливость, по Соловьеву, проявляется через «страдание, жалость, благоговение перед высшим», которые он называет «нравственными основами». Страдание, жалость и благоговение дают человеку возможность чувственной рефлексии внутреннего и внешнего бытия. Терпеливость в данном случае рассматривается философом как синтез душевных качеств, как некая нравственная тенденция, вектор которой направлен в сторону Веры. В. Соловьев называет различные виды терпеливости, но добродетелью, с его точки зрения, являются не все виды: «Можно терпеливо переносить физические и душевные страдания или вследствие малой восприимчивости нервов, тупости ума и апатичности темперамента — и тогда это вовсе не добродетель; или вследствие внутренней силы духа, не уступающего внешним воздействиям, — и тогда это есть добродетель аскетическая, (сводимая к нашей первой нравственной основе); или вследствие кротости и любви к ближнему (*caritas*), не желающей воздавать злом за зло и обидой за обиду, — и в таком случае это есть добродетель альтруистическая (сводимая ко второй основе: жалости, распространяемой здесь даже на врага и обидчика); или, наконец, терпеливость происходит из покорности высшей воле, от которой зависит все совершающееся, — и тогда это есть добродетель пизитическая, или религиозная (сводимая к третьей основе)»³.

Первый вид терпеливости направлен на самого себя и его основой, как отмечалось выше, является страдание. Не уступая внешним воздействиям, человек отстаивает то, что считает для себя настолько принципиальным, что готов перенести любые страдания. Это могут быть светские или религиозные подвижники, терпеливо и стойко переносящие испытания и даже муки ради принятой ими истины (Дж. Бруно, Н. Вавилов, христианские страдальцы).

Второй вид терпеливости восходит к христианскому непротравлению злу насилем. Тут обращает на себя внимание указание В. Соловьева, что это добродетель «альтруистическая», то есть это готовность быть терпеливым ради ближнего своего в самом широком смысле этого слова. Спектр этого вида терпеливости обширен: это и родители, не отказывающиеся от «безнадежных» детей (хотя, конечно, ими движет не одна лишь жалость), и те, кто на постоянной основе отдает свои силы и средства «сырым и убогим», и святые, которыми так богата русская церковь, и многие другие.

Третий вид терпеливости — локальный. В отличие от первых двух, более связанных с чувственным отношением к миру, этот вид чувственно-рациональный. Безоговорочное признание Истины, от которой зависит личность и происходящее с ней, детерминирует благоговение-терпеливость и в этом для субъекта есть проявление высочайшей справедливости. Все три вида терпеливости деятельно-созидательные и связаны друг

³ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 195.

с другом. Различаясь по предмету, в конечном «продукте» терпеливость есть проявление высоких душевных качеств личности. В методологическом плане духовная доминантность является мерой терпеливости. Страдание, жалость и благоговение вырастают на основе духовно-психологического облика нации, ее образа жизни и истории. Корни этого формирования настолько глубинные, что последующие политические и идеологические воздействия, оказывая деформирующее влияние, не могут разрушить его корневой системы.

Всеединство как форма проявления терпеливости анализируется В. Соловьевым и на конкретном материале, в частности, это связано с его размышлениями по национальному вопросу: «Тело Христово как организм *совершенный* не может состоять из одних простых клеточек, а должно заключать и более сложные и крупные органы, каковые здесь естественно представляются различными народностями... и если христианство не требует *безличности*, то оно не может требовать и *безнародности*»¹.

Соловьев на обширном историческом материале (Италия, Испания, Франция и др.) показывает, как нации в процессе своего культурного формирования «осуществляли в себе идеал всечеловечества». Например, итальянцы, достигая огромных высот в своем национальном творчестве, тем самым становились значимыми и для других народов. Высочайшие проявления итальянского национального духа стали образцами для европейской культуры и таковыми являются и поныне. Обращаясь к итальянцам (испанцам, немцам и др.), В. Соловьев отмечает, что «вот эта славная народность оказывается на деле лишь особую формой всемирного содержания, живущего в *нем*, наполняющегося *им* и воплощающего его не для себя только, а для *всех*»².

Чем значительнее национальные духовные достижения, тем более они «осуществляют в себе идеал всечеловечества». Национальные по духу Достоевский и Толстой, выразившие духовные искания и страдания русских, стали всемирно признанными, точно

так же, как Петрарка и Леонардо да Винчи. В. Соловьев приходит к выводу, что все нации в период своего расцвета «утверждали свою народность не в ней самой, отвлеченно взятой, а в чем-то всеобщем, *сверхнародном*... осуществляли в своем творчестве — национальном по источнику и способу выражения, но вполне универсальном по содержанию или предметным результатам»³.

Что служит объединяющим началом для национального взаимодействия? Таковым может выступать лишь деятельность, направленная на духовное созидание. «Национально-универсальная идея может искажаться отдельными историческими представителями, но “дурное понимание” проходит, а идея остается и просветляется в новых, лучших своих проявлениях, если только она действительно коренится в душе народа»⁴. По этой причине В. Соловьев не приемлет нетерпимость националистов и по этой же причине не принимает космополитизм: «Высший нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя, но так как люди не существуют вне народностей... то прямой логический вывод отсюда есть тот, что *мы должны любить все народности, как свою собственную*»⁵.

В основе терпеливости по отношению к другим народам и их культурам лежит в конечном счете общее для всех духовное родство, «этическое равенство», чувство этической любви, так как истинное благо «едино и нераздельно» (Соловьев). С помощью нравственной воли возможно преодолеть бессмысленную национальную вражду, но при этом за своим народом остается первенство «исходной точки». Для В. Соловьева терпеливость — нравственный феномен, требующий от личности серьезных духовных усилий по его реализации. В этом случае терпеливость опирается на значительно более глубокие и устойчивые основания, чем этика закона, которая является весьма важным и необходимым, но все же в первую очередь навязанным законом. Причем В. Соловьев реализацию этого феномена в большей степени связывает с христианством.

¹ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 365–366.

² Там же. С. 369.

³ Там же. С. 376.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 378.

⁶ Директор Института культурологии и музеведения Москов-